

Упершиися в Стену

35-я годовщина крушения главного символа холодной войны отмечается в эпоху, когда виртуальные стены разделяют множество людей во всем мире

Фото: ASSOCIATED PRESS

12:45, 25 ноября 2024,

Андрей Колесников*

специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

13 августа 1961 года за одну ночь была возведена Берлинская стена, видимый и материальный символ холодной войны, построенный в соответствии с идеей восточногерманского лидера Вальтера Ульбрихта, уговаривавшего Никиту Хрущева на такую акцию с 1958 года. Согласно анекдоту тех лет самым знаменитым полководцем в мире как раз был Ульбрихт, обративший в бегство два с половиной миллиона человек и взявший в плен 15 миллионов. Берлинский кризис начался в 1958 году с угроз Никиты Хрущева закрыть въезд в Западный Берлин, куда с 1949 по 1961 год перебрались те самые два с половиной миллиона восточных немцев, голосуя ногами за капитализм.

Синатра vs Хрущев и Брежнев

Хрущев работал на внутреннюю аудиторию — «ястребы» вокруг него требовали соблюдения ядерного баланса с Соединенными Штатами. Не зря во время встречи в 1959-м в Кэмп-Дэвиде Дуайт Эйзенхауэр и Никита Сергеевич жаловались друг другу на неумные аппетиты своих военных и военно-промышленного комплекса. Полет самолета-шпиона Гэри Пауэрса в мае 1960-го, его уничтожение и суд над летчиком вынудили Хрущева отказаться от чрезмерного миролюбия — первый секретарь был на постоянном самовзводе, что закончилось эпизодом с ботинком в ООН. Переговоры с новым президентом Джоном Кеннеди в июне 1961-го в Вене не привели к потеплению отношений.

В июле 1961-го все больше распалявшийся Хрущев отменил свое же очень потенциально полезное для народного хозяйства решение о сокращении армии на один миллион двести тысяч

человек. Военные расходы выросли на одну треть. Кеннеди ответил повышением боеготовности вооруженных сил и увеличением военного бюджета. 1 сентября того же года СССР возобновил ядерные испытания. По свидетельству дипломата Олега Гриневского, вовлеченного во все эти процессы, «с сентября по декабрь 1961 года в Советском Союзе было взорвано атомных и водородных бомб больше, чем за все предыдущие годы.

Гвоздем программы стал обещанный Хрущевым подарок: взрыв 50-мегатонной бомбы — самой мощной из когда-либо произведенных человеком». В Арзмасе-16 ее прозвали «кузькиной матерью».

Карибский кризис стал пиком ухудшения отношений СССР и США при Хрущеве и Кеннеди. 26 октября американскому президенту было отправлено длинное и относительно миролюбивое послание Хрущева: если Кеннеди даст заверения в том, что не нападет на остров Свободы, «тогда будет стоять иначе и вопрос об уничтожении не только оружия, которое вы называете наступательным, но и всякого другого оружия». 28 октября стороны остановили эскалацию.

Карибский кризис был разрешен. А стена, разделявшая «два мира, два Шапиро», осталась.

1961 год. Строительство Берлинской стены. Фото: picture-alliance / dpa

11 июня 1963 года, стоя на площади перед гигантской толпой у Шёнебергской ратуши в Западной Берлине, Джон Кеннеди произнес по-немецки, казалось бы, нелепую фразу: «Я — берлинское печенье». Ошибка произошла по той причине, что во фразу *Ich bin Berliner* — «Я — берлинец» — то ли ближайший советник и легендарный спичрайтер американского президента Тед Соренсен, то ли советник по национальной безопасности Мак Джордж Банди (разные источники говорят о разном) поставил перед словом *Berliner* артикль *ein*. Тем не менее берлинцы, все 150 тысяч человек, все поняли и простили харизматичному президенту, который произносил фразу с бостонским акцентом, грамматическую ошибку. Речь Кеннеди спровоцировала 15-минутную овацию. «Если бы я сказал им — идите и разружьте стену, они бы сделали это», — признавался 35-й президент США. «Такого дня, как этот, у нас больше не будет», — сказал он Соренсену.

Это памятное выступление ознаменовало собой кульминацию

холодной войны и встало посередине между Фултонской речью Уинстона Черчилля 5 марта 1946-го и речью Рональда Рейгана у Бранденбургских ворот 12 июня 1987 года, в которой была произнесена ключевая фраза эпохи: «Господин Горбачев, разружьте эту стену!»

Но была еще одна важная дата на пути к разрушению стены. 30 декабря 1968-го Фрэнк Синатра сделал студийную запись английской версии французской песни композиторов Жака Рево и Клода Франсуа *Comme d'habitude* («По привычке»). Текст принципиально отличался от французского оригинала и назывался *I did it my way* — «Я сделал это по-своему». В 1969-м, когда уже вовсю шли переговоры по каналу Генри Киссинджер–Анатолий Добрынин о прагматизации отношений СССР и США, состоялся выпуск песни в свет.

А 15 октября 1989 года ироничный интеллектуал, тогдашний глава управления печати МИД СССР, Геннадий Иванович Герасимов сообщил, что

«доктрина Брежнева», предполагавшая вмешательство Советского Союза в дела всех своих восточноевропейских сателлитов, отныне заменена на «доктрину Синатры»: каждый развивается по тому пути, по которому хочет идти.

Так он прокомментировал идущую на глазах у всех череду «бархатных революций».

Комментарий Герасимова был констатацией фактов.

В июне 1989 года во время поездки Горбачева в Бонн толпа

приветствовала его: «Горби! Занимайся любовью, а не стенами!» Это был переделанный антивоенный лозунг Make love, not war 1960-х: так 1968 год напрямую ворвался в 1989 год, обозначив преемственность как бы перевернутых двух чисел 68 и 89, которые в свою очередь перевернули мир.

27 июня 1989 года министры иностранных дел Австрии Алоис Мок и Венгрии Дьюла Хорн поучаствовали в процедуре «перекусывания» колючей проволоки на границе между двумя странами. За несколько часов границу пересекли 600 восточных немцев, чьей целью было перебраться в ФРГ. Полностью же ограничения на выезд через эту границу были сняты 11 сентября того же года. Граждане социалистической Германии снова, как и до 1961 года, активно голосовали против социализма ногами: за один только 1989-й, по свидетельству Михаила Горбачева, из ГДР в ФРГ через Венгрию и Чехословакию переместилось 350 тысяч человек (по данным канцлера Западной Германии Гельмута Коля, 380 тысяч).

Летом 1989 года в журнале National Interest увидела свет статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?», ставшая, пожалуй, самым знаменитым текстом второй половины XX века и возвестившая — правда, со знаком вопроса — о победе либерализма и демократии над тоталитарными идеологиями и практиками XX века. На обложке летнего номера красовался аншлаг: «Новый мировой порядок».

9 ноября 1989 года Гюнтер Шабовски, член Политбюро Центрального комитета Социалистической единой партии Германии, запинаясь, заявил о свободе въезда и выезда из ГДР. «Чекпойнт Чарли» срифмовался с «дыханием Чейн-Стокса» — широко объявленный «конец истории» наступил. Железный занавес благодаря этой вынужденной констатации был прорван, а Стена — физически разрушена. Ее фрагменты пошли на сувениры. Хватило и до нынешнего времени.

Синатра переиграл и Хрущева, и Брежнева.

Начала и концы истории

За время существования Стены ее преодолели около 5000 человек, хотя это было непросто и чревато смертью (172 смельчака погибли). Даже по дну реки Шпрее была протянута колючая проволока. «У свободы много проблем, и демократия несовершенна, — говорил Кеннеди жителям Западного Берлина в той самой речи 1963 года, — но мы никогда не были вынуждены воздвигать стену, чтобы удерживать за ней наше население и заставляя людей оставаться с нами».

Собственно, до сих пор в этот мир бегут и/или «релоцируются» люди из несвободных и неблагополучных стран, хотя и считается, что «конец истории» закончился, механизм трагической истории был перезапущен, а на место миропорядка-1989 пришел мировой беспорядок с

альтернативными Западу центрами силы и полюсами влияния. Хотя по-прежнему весь мир зависит от результатов американских выборов и состояния здоровья доллара, а на Европу накатывают все новые и новые волны миграции.

Бывший «Чекпойнт Чарли» и Бранденбургские ворота стали точками притяжения нынешнего «сверхтуризма» — толпы «детей разных народов» знакомятся с историей со счастливым концом.

Так что это: конец «конца истории» или все-таки трагическая история со счастливым концом, которая заходит на очередной круг? Или виртуальные, а иной раз реальные постберлинские стены снова разделяют мир?

Ведь даже саммит БРИКС, не говоря уже об украинской (...), обострении палестино-израильского конфликта, корейского и китайско-тайваньского сюжетов, оказался событием, не объединяющим, а разъединяющим мир: в Казани было много риторики о зловредном Западе — так какое же это объединение ради «стабильности и безопасности».

А вот как делалась история после падения Стены? Можно считать этот процесс пошаговой инструкцией по установлению мира, в том числе опровергающей многократно повторяющиеся размышления хозяина Кремля о том, что Россию обманули, допустив расширение НАТО на Восток.

В ходе переговоров Горбачева с немецким канцлером Гельмутом Колем 15–16 июля 1990 года в Архызе было решено, что *объединенная Германия как суверенное государство будет иметь право вступать в любые союзы, а значит, и в НАТО*, при

этом Коль соглашался с тем, что в течение трех-четырех лет советские войска будут находиться на территории бывшей Восточной Германии.

Горбачеву хватило политической мудрости принять новую реальность, ставшую в конце концов одним из следствий его нового мышления.

Июль 1990 года. Архыз. Президент СССР Михаил Горбачев и федеральный канцлер ФРГ Гельмут Коль. Фото: Юрий Лизунов, Константин Тарусов / Фотохроника ТАСС

12 сентября 1990-го во время беседы с Горбачевым министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер выразился очень точно: немцы были разъединены не с 1945 года, а с момента прихода нацистов к власти: «...к единому демократическому государству мы приходим через 57 лет, и отсчет надо вести

именно от 1933 года». «Единое демократическое» здесь — ключевые слова.

Договор об объединении ФРГ и ГДР, подписанный 30 августа 1990 года, а также советско-германский договор о добрососедстве и сотрудничестве, подписанный в Бонне 9 ноября 1990 года, открывали новую эру, соответствующую гуманистическим идеям нового мышления. Выступая на церемонии подписания советско-германских документов, Горбачев говорил не только о Германии, которая утвердила себя «как сильная, динамичная и равноправная величина в семье всех европейских народов», что произошло благодаря «новой политической категории... — доверию», но и о своей стране. Были сказаны очень важные слова: «И вы, и мы присягнули общечеловеческим ценностям». Общечеловеческим, универсальным, а не «традиционным», которые всегда разъединяли народы, а не объединяли их: «Немцы и Россия, Германия и Советский Союз больше не потенциальные военные противники. У них вообще нет в Европе мыслимых противников».

Никакой «аннексии» Восточной Германии, как это представлено теперь в «едином» учебнике Мединского и Торкунова, не было. Это был объективный процесс, который невозможно и не нужно было останавливать, а не субъективное решение или стовор отдельных лидеров — воссоединялись прежде всего люди, а уже потом государства. Люди, которым не нужно было плыть в свободный мир по дну реки Шпрее или пересекать границу в багажниках автомобилей.

Это был конец (правда, как выяснилось спустя десятилетия, лишь временный) мышления «зонами влияния». Процесс объединения — наследие нового мышления, которое не

уберегли и растранижирили следующие поколения политиков.

Стена — оружие диктатур

Политическое стеностроение стало теперь популярнейшей индустрией по обе стороны нового хайтековского виртуального железного занавеса. Хотя есть и разделение наций — через окопы и «линии соприкосновения».

Если набрать в Google фразу «Стена на границе с...», можно получить: «Американо-мексиканская стена», «Польско-белорусская стена», «Стена на границе России и Финляндии». Любой россиянин, в том числе противник Путина или бегущий от режима, ощущает физически невидимую стену с Евросоюзом на паспортном контроле. Впрочем, и на обратном пути тоже.

В «Дипломатии» Генри Киссинджер писал, что Берлинская стена была проявлением слабости Хрущева. Иными словами, ему не хватало мягкой силы для того, чтобы быть убедительным для граждан восточного блока. Может быть, и Кремль, отгораживаясь от Запада, признал тем самым свое поражение в модернизации: не «традиционные», а общечеловеческие ценности, в том числе ценность отказа от (...) как способа решения проблем и самоутверждения, оказались доминирующими, и нужно было срочно поправить положение столь радикальным средством, как спецоперация?

3 ноября 1989 год. 12-летний Хенрик Шок просовывает голову через стену, чтобы увидеть Восточный Берлин.
Фото: ASSOCIATED PRESS

История вернулась и в самой Германии, где все более популярной становится партия «Альтернатива для Германии», где возобновились разговоры об отличии западной и восточной частей государства, хотя бедной объединенную страну назвать никак нельзя, а «АдГ», за которую иногда активно голосуют на востоке, создана политиками родом из Западной Германии. Там тоже стена, проницаемая, но стена?

Разрушение стен — всегда во благо людей. Сильные разрушают стены, а не строят. Многие, очень многие полагают, что Горбачев слабый лидер, потому что при нем не стало стен, Ельцин слабый, потому что при нем россияне потеряли «собственную гордость» и стали свободно передвигаться по миру и получили свободу выбора, которой не было во внутривосточном пространстве. Однако все наоборот: слабые,

ненавидящие внешний мир, боящиеся его и своего народа, возводили стены, чтобы не проникали товары и капиталы, а главное — мысли «оттуда», и не убегали из своей крепости люди «отсюда».

А чтобы крепость была прочнее, нужно было убедить массу в том, что «там» враги, желающие «нас» завоевать, но и среди нас есть внутренние враги — «пятая колонна».

Угрозы лучше продаются внутри пространства, огороженного стеной.

История повторяется. Человек толпы поверил в угрозы, возвращается в пределы своей стены и запирает за собой дверь — чтобы не выходить из крепости. Воспевает свою несвободу, сакрализует ее, как и свою крепость, и ее коменданта. Происходит добровольное заточение, и для этого не всегда необходимо строить видимую невооруженным глазом материальную стену.

Что же до Берлинской стены, то она даже не факт, а своего рода артефакт истории. Камешки на ладони. Туристический объект. Событие, о котором новые поколения знают все меньше и меньше. Исторический кейс, оценить который иные просто не в состоянии. В 2019 году «Левада-центр»* спросил респондентов, как они оценивают падение Берлинской стены. 35 процентов ответили, что их этот исторический факт не интересует.

Равнодушие и невежество — лучшие друзья автократов. Стена — оружие диктатур.

Преыдушие поколения можно было бы назвать прошедшими

сквозь Стену. Через три с половиной десятилетия пришли генерации, упершиеся в Стену. «Господин Горбачев, разрушьте эту Стену!» Сейчас обращаться не к кому. И некому.

Этот материал вышел во втором номере «Новая газета. Журнал».

Купить номер можно в нашем [онлайн-магазине](#).

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Диктаторы и смерть. Долгое прощание](#)

Физическое тело тирана умирает, но остается символическое. Чтобы избавиться от тоталитаризма, нужно отказаться и от его символического наследия

14:47, 9 ноября 2024, Андрей Колесников*